Лапландии (северная Финляндия). Предложены специальные туры для детей, студентов, инвалидов. Посетители могут не только изучать флору, растительность и экологию болот, вести наблюдения за птицами, но и просто любоваться болотными пейзажами с высоких минеральных островков на болотах. Сеть охраняемых болот и ее инфраструктура для экотуризма организуется и управляется Лесопарковой службой Финляндии.

Что нужно сделать, чтобы болота Карелии стали привлекательными объектами экологического туризма? Во-первых, учитывая международный опыт, необходимо разработать критерии выделения и природно-рекреационный статус охраны болот – объектов туризма. Во-вторых, на основе наземных исследований болот Карелии и современных ГИС-технологий разработать перспективную картосхему размещения и банк данных болот – объектов экологического туризма с учетом анализа существующей и планируемой для расширения сети ООПТ республики. Важно, чтобы болота находились вблизи дорог и туристических центров. В-третьих, с целью пропаганды экологического туризма на болотах и изучения спроса на этот вид досуга следует выбрать модельное болото вблизи крупного туристического центра, разработать экологический маршрут и путеводитель по болоту, и оборудовать болото настилами и смотровой вышкой.

УДК 911.9

Колбовский Е.Ю.
Морозова В.В.

ТУРИЗМ И РЕКРЕАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Статья рассматривает основные положения рекреационной географии относительно так называемого туристического продукта и проблематики развития внутреннего туризма и рекреации в России. Охарактеризована эволюция рекреационных занятий, выявлены лакуны современного правового поля формирования рекреационной инфраструктуры. Подвергнуты анализу процедуры современного землеустройства и территориального планирования также лесоустройства применительно к задачам фиксации рекреационных зон.

Kolbovsky E.Y., Morozova V.V. The Tourism and Recreation as an Image of the Territorial Planning: the Lost Opportunities
The paper deals with the main recreational geography thesis concerning a so-called tourist product and problematic of the internal tourism and development of recreation in Russia. Evolution of the recreational employment is characterized, lacunas of a modern legal field of formation of a recreational infrastructure are revealed. Article considers also analysis of procedure of the modern land use management and town planning with the reference to the fixing of recreational zones.

1. Лакуны в теории.

Туризм и рекреация давно стали традиционным предметом географических исследований, однако географы, активно включившись в исследование популярной тематики, не вполне критично отнеслись к развиваемым подходам и представлениям, и это обстоятельство сегодня уже весьма ощутимо сказывается на характере научных исследований, а главное – на возможности действительного применения их результатов в практике управления и организации туристско-рекреационной сферы.

Развернувшаяся в последние годы процедура территориального планирования субъектов РФ выявила целый ряд теоретических «лакун», среди которых важнейшими, на взгляд авторов, являются:

- поверхностное представление о составе турпродукта и, как следствие, искаженное понимание взаимосвязи туризма и рекреации;
- необоснованно свободное толкование туристско-рекреационных ресурсов как комплекса в той или иной степени благоприятных свойств окружающей среды;
- отсутствие теоретического анализа деформаций правового поля, в рамках которого формируется и функционирует инфраструктура рекреации и туризма;
- ощутимый дефицит прикладных обобщений по результатам планирования рекреационных зон в градостроительной документации;
- слабое понимание оптимума локализации «точки равновесия» между усилиями государства, коммерческого сектора и гражданского общества в сфере рекреации и туризма.

2. Опрокинутая пирамида: рекреация и турпродукт.

Пожалуй, самым слабым местом современной теории туризма является понятие о «туристическом продукте». Опыт авторов в сфере территориального планирования позволяет утверждать, что данный термин вообще не слишком корректен, поскольку правильнее было бы говорить о рекреационном продукте, точнее – о развитой сфере рекреационных услуг, привязанных к рекреационным зонам и обслуживаемых, разумеется, гостиничным сервисом, сетью предприятий общепита, экскурсионными программами и транспортом.

Как показывает внимательный и непредвзятый анализ, весь успешный туристический зарубежный бизнес построен исключительно в рамках рекреационной сферы, поэтому устоявшееся словосочетание «ту-

ризм и рекреация» должно быть поставлено с головы на ноги – «рекреация и туризм», ибо рекреация всегда принципиально первична, а туризм – вторичен и производен от нее.

Именно рекреационная составляющая турпродукта оказалась слабым звеном российской туристической отрасли, и важно получить ответы на целый ряд вопросов:

Каковы роль и место рекреации в жизни современного социума?

Как изменилась рекреация за последние десятилетия, как возникают и развиваются новые виды рекреационной деятельности?

Комплекс каких условий необходим для развития рекреации, и какое место в этом комплексе занимают такие традиционные географические объекты как территория и ландшафт?

Почему российские планировщики и архитекторы в ходе развернувшейся кампании территориального планирования в России практически повсеместно «провалили» рекреационно-туристский блок?

Способствует ли правовое поле, задаваемое современным законодательством РФ, развитию рекреации и туризма?

Что позитивного можно сделать в рамках традиционных (рекреационная география) или новых (ландшафтное планирование) географических парадигм для изменения ситуации в регионах?

3. Правильно ли мы понимаем рекреацию?

Анализируя феномен рекреации, исследователи предлагают концентрироваться не столько на научных дефинициях, сколько на необходимости широкого мировоззренческого восприятия сущности самого явления. Рекреация – это нечто такое, чем человек может заняться во время своего личного досуга, в свою очередь досуг воспринимается как средство самовыражения, способ наполнения действительности смыслом и целью, способ воплощения себя в мире и мира в себе. Без подобного расширенного толкования невозможно перспективное планирование и управление рекреацией.

Содержание и стиль «праздного» времяпровождения формируют характер постиндустриального общества (как общества потребления, но не только) и сказываются на моделях завязывающихся социальных связей; отсюда новая роль рекреации в широком смысле как социализирующей деятельности. Неслучайно специальный Комитет по рекреации Великобритании в одном из своих докладов отмечает: «отдых почти столь же важен для благосостояния общества как качественное градостроительство, медицина и образование».

Подобное понимание рекреации очень важно для формирующегося в России гражданского общества, в сфере внимания которого должны оказаться спектр рекреационных возможностей, разительно сокращающийся доступ к привлекательным сельским ландшафтам и застройка всех открытых пространства в наших городах.

4. Эволюция рекреационных потребностей и формирование новых рекреационных занятий.

К сожалению, рекреационные потребности и предпочтения российских граждан изучены очень слабо, причем во всех аспектах: историческом, экономическом, психологическом, но хуже всего – в пространственном, средовом. Мы не имеем серьезных обобщающих работ по географии рекреационного поведения, мало исследований, посвященных анализу рекреационных занятий наиболее активной части населения: детей, подростков, молодежи. Мы плохо представляем себе, как может выглядеть «пространственная проекция» рекреационных устремлений социума на городскую и сельскую среду.

Известно, что в основе рекреации лежат элементарные рекреационные занятия – простейшие действия, совершаемые человеком или группой людей в свободное время. Традиционные виды рекреационных занятий (например, прогулки по лесу, отдых у воды) имеют длительную историю, тесно переплетающуюся с историей культурного ландшафта страны. Но в постиндустриальном обществе рекреация быстро менялась вместе с изменением техники и товарным обогащением человеческого быта. Многие элементарные рекреационные занятия оказались «завязанными» на различные технические средства, усовершенствование которых увеличивало потенциальные возможности базового рекреационного занятия, что приводило к распространению его на разные типы сред. В свою очередь использование технического средства в специфических условиях определяло формирование специализированных разновидностей, которые развивались уже по своим трендам, в итоге возникало разделение единого вида рекреационного занятия на подвиды, каждый из которых размещается в своей «экологической нише». Таким «эволюционным» образом возникают новые виды рекреационных занятий, дифференцированные по характеру вмещающего физического пространства, уровню требуемых технических навыков, характеру неизбежного риска, экипировке (и, следовательно, стоимости).

В сферу рекреации вовлекаются все новые типы природных и культурных ландшафтов, и пространств современной урбанизированной среды. Очевидно, что такое вовлечение первоначально происходит по принципу «самозахвата», при этом рекреанты «новой волны» часто являются помехой для окружающих – основных «пользователей» пространства (например, велосипедисты «мешают» автолюбителям).

Социум может (до поры до времени) игнорировать пространственные притязания новых рекреантов. С позиций обывателя (которую, к сожалению, разделяют многие российские чиновники и законодатели), для рекреации ничего не требуется, и она может быть развернута на землях любых правовых категорий (например, лесного фонда или землях сельскохозяйственного назначения). Однако опыт показывает, что рекреационное использование ландшафта не требует правового регулирования и планировочного вмешательства только на начальном этапе наложения рекреационного занятия на конкретную местность. Всякое более-менее ре-

гулярное использование местности, и уж тем более эксплуатация рекреационного занятия как канала реализации туристической деятельности требуют правового обеспечения территориальных притязаний и последующего специально обустройства местности. Средствами правового регулирования выступают законодательные акты и процедура территориального планирования, средствами обустройства – ландшафтно-архитектурное проектирование и формирование специальной инфраструктуры. Именно так создаются специальные «facilities» рекреационные «удобства»: стоянки для барбекю и палаточных лагерей, велосипедные дорожки, «отбитые» у автострад, намытые пляжные отмели, скалодромы, площадки для гольфа и т.д.

5. Проблемы правового регулирования туристско-рекреационной сферы – зарубежный опыт.

В отношении правового регулирования для современной России может оказаться чрезвычайно поучительной история английских «войн» за рекреационный доступ к привлекательным ландшафтам сельской местности, разворачивающаяся на фоне устоявшейся системы частного и общинного землевладения. Стремление новых социальных классов (рабочие, служащие) к активному отдыху и более тесному общению с природой натолкнулось в Британии XIX-XX вв. на ожесточенное сопротивление традиционных землевладельцев (landowners), исповедовавших убеждение выразительно сформулированное знаменитым Уодсвортом. Последний утверждал, что «простой» народ слишком дурно воспитан для того, чтобы его можно было беспрепятственно допускать к красотам и раритетам природы. Противники массовой рекреации из верхней палаты британского парламента ссылались, разумеется, не столько на интересы собственников, сколько на необходимость «охраны природы». В результате на протяжении более века принимаемые в Англии один за другим правовые акты направлены на «снятие противоречий» в пространстве английского ландшафта между рекреацией – с одной стороны и экологией и фермерством – с другой. Таков, к примеру, Акт о национальных парках и доступе к сельской местности («The 1949 national parks and access to the countryside act»), установивший:

- принцип «открытой страны» («open country») в отношении доступа в ландшафт как руководство для разработки правил и заключения соглашений между местными властями, землевладельцами и общественными группами;
- порядок организации возможностей для широкого туризма и отдыха в национальных парках;
- необходимость обеспечения возможности для прокладки и обустройства и картографирования туристских трасс различного типа (конных, велосипедных, водных, пеших), в первую очередь транзитных («long-distance»), пересекающих границы графств;
- важнейшее понятие «кантри-кода» как свода этических правил для рекреантов и туристов, регулирующих поведение в сельской местности.

Естественно, массовая автомобилизация общества, изменение рекреационных предпочтений публики и появление рекреантов-автолюбителей потребовали дальнейших усилий по регулированию: Актом 1968 г. «О сельской местности» в Британии определено рекреационное обустройство сельских территорий (сельские парки, места для пикников и палаточных лагерей), Актом 1981 г. «О дикой природе и сельской местности» – пешеходные и конные тропы, Положением о сельской местности 1989 г. – приходские парки, местные (для каждого графства) пешеходные и конные маршруты и т.д.

Английский опыт для нас важен как отражение постоянных усилий со стороны зрелого гражданского общества, предъявляющего требования к спектру рекреационных возможностей через свои институты, – общественные организации, которые постоянно функционируют как своего рода группы давления. В Англии таких групп множество: кроме широко известного в России «Национального траста» существуют еще и «федерация бродяг», «ассоциация скаутов», «клуб автокараванов и палаточных лагерей», «клуб велотуристов» (этот – с XIX в.!) и многие другие.

Таким образом, в странах с развитым гражданским обществом отдых и рекреация - это целый набор сервисов и служб, располагающихся в сельской местности и в городском окружении, призванных обеспечить и удовлетворить набор весьма диверсифицированных потребностей различных социальных слоев, возрастных, профессиональных и иных целевых групп. При этом задачи обеспечения и контроля за качеством предоставляемых рекреационных услуг возложены на местные власти, общественные комитеты, а также на добровольные и коммерческие организации.

6. Рекреация, туризм и территориальное планирование.

Складывается впечатление, что российская география «просмотрела» очень важный водораздел в рекреационном поведении постмодернистского социума, который развел рекреацию на два потока – «отдых соучастия» (leisure participation) и «отдых потребления» (leisure consumption). С одной стороны появление массовых зрелищ предварило современную «масскультуру» и привело к опережающему росту отдыха потребления, с другой – невероятный рост «средств отдыха» породил целую индустрию активных развлечений. Последняя, шагая рука об руку с современной сферой торговли, привела к заметной трансформации функционального зонирования современных городов. Это масштабное явление, названное в англо-американской литературе «четвертой волной», осталось почти незамеченной в отечественной урбогеографии, но что еще хуже – к нему оказались абсолютно не готовы российские градостроители и законодатели. В результате пространственные «притязания» туристско-рекреационной сферы не получили должного отображения в документах градостроительного планирования, развернувшегося в нашей стране в последние годы.

Судя по объему литературы, посвященной оценке туристско-рекреационных ресурсов субъектов РФ, описанию туристско-рекреационных «систем», «местностей», «зон», «регионов» и «кластеров» многие специалисты до сих пор полагают, что в нашей стране существует некое «сплошное» планирование, учитывающее (среди прочих) и интересы туристско-рекреационной сферы. Это заблуждение, поскольку собственно сплошного правового планирования, каковое осуществлялось бы в интересах региона и населяющего его социума, в РФ до сих пор нет; схемы территориального планирования (СТП) на самом деле таковыми не являются, поскольку, во-первых, их выводы имеют чисто рекомендательный (не правоустанавливающий) характер, во-вторых, в СТП земли вне территорий населенных пунктов (лесные, сельскохозяйственные) воспринимаются как данность не подлежащая изменению (планировщик не может изменить конфигурацию лесных земель или земель сельскохозяйственного назначения), и это обстоятельство существенно повлияло на все составляющие процедуры планирования (целеполагание, содержание, информационное обеспечение). Усилия государства по-прежнему направлены на «сотворение» единого государственного кадастра недвижимости (ибо это кратчайший путь к получению доходной части бюджетов), при этом, к сожалению, «творчество» не сопровождается рефлексией уже возникших противоречий в правовых характеристиках формируемых объектов. В результате в РФ не существует комплексного решения связанных неразрывно задач управления территориями, которые базируются на регулировании градостроительных и земельно-имущественных отношений.

Отсутствие направленных усилий и внятных планировочных результатов вынуждают нас обратиться к иным механизмам развития рекреационной сферы, в частности к английскому опыту установления стандартов обеспечения спектра рекреационных возможностей[1,2]. Стандарты – это инструмент, позволяющий определить нижний предел рекреационного обустройства как в крупных городах, так и в сельской местности. Стандарты рекреационного обеспечения оперируют с двумя группами категорий: рекреационными угодьями и рекреационными формами обустройства, соотнося их с параметрами доступности (пешеходной, автомобильной), либо с удельными показателями, буквально «в штуках» на контингент проживающих. Специальный параметр отражает так называемый «рекреационный бассейн» (cathment) – ареал с определенной площадью и численностью взрослого и детского населения, внутри которого обеспечен необходимый набор рекреационных удобств. В роли последних выступают специальные угодья (местные, районные и городские парки, поля для гольфа, крикета, сквоша, футбола) и оборудованные рекреационные центры (бассейны, игровые площадки для детей различного возраста).

7. «Инновационное туристско-рекреационное развитие»: надежды и реальность.

Проведенный авторами анализ множества региональных экономических стратегий позволил выявить модную новеллу «инновационного туристско-рекреационного развития», с которой руководители регионов связывают надежды будущего экономического процветания. Однако надежды эти пока не имеют под собой реальных оснований: успешный внутренний туризм может развиваться только на основе предварительной развернутой рекреации, каковая в свою очередь должна опираться на предварительно выстроенную систему рекреационных территорий.

Анализ современного правового поля демонстрирует зияющие правовые лакуны в отношении рекреационных зон и порядка их установления в РФ. Чисто теоретически рекреационные угодья в нынешней практике могут формироваться правоустанавливающими действиями, предпринимаемыми с «плацдармов» Градостроительного, Земельного, Водного и Лесного Кодексов РФ. Однако на деле четыре упомянутых кодекса разделены пропастью, в которую проваливаются любые усилия, и каковая на деле приводит к изъятию рекреации из числа реальных претендентов на освоение территорий.

Земельный Кодекс РФ помещает земли рекреации в один ряд с землями особо охраняемых природных территорий (со строго консервационным режимом использования), что не помешало, впрочем, еще до подготовки документов градостроительного планирования раздать земли бывших пионерских лагерей и детских дач, заводских баз отдыха под коттеджную застройку. Этому немало способствовала безграмотная кадастровая оценка, проведенная без действительного учета рекреационных и ландшафтных свойств территории, что сказалось на весьма заниженной цене соответствующих земельных участков. Таким образом, в регионах российской провинции оказалась утраченной значительная часть социально-значимого территориального ресурса рекреации, созданного еще в советскую эпоху.

Ситуация осложнилась после принятия в 2004 г. нового Градостроительного кодекса (190-ФЗ), поскольку авторы посчитали задачу создания эколого-рекреационного каркаса, во-первых, внешней по отношению к градостроительной деятельности в регионах, во-вторых, уже «решенной и отрегулированной остальными кодексами».

Регулирование «уполномоченными государственными органами» сводится к предпринятым еще в конце 90-х годов разрозненным усилиям по инвентаризации особо охраняемых природных территорий (ООПТ), которые не привели к созданию экологического каркаса, так как не имели под собой необходимой

[1] Береговских А.Н. Управление развитием территорий и градостроительная документация. Часть 1. Разработка градостроительной документации муниципальных образований. – Омск, РА «Град», 2008 г. – 290 с.

[2] Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Комментарий к градостроительному кодексу Российской Федерации: ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности. – М., Издательство «Экзамен». – 2008. – 525 с.

методологической и правовой базы. В итоге мы вынуждены фиксировать нелепую и парадоксальную ситуацию: система ООПТ не работает на отдых и туризм и не может быть задействована в этом направлении. Опыт авторов по планированию сельских поселений в различных областях (Ярославская и Владимирская, Орловская и Белгородская, Пермский край) показал абсолютную невозможность распространения режима рекреационных зон даже на территории специально выделенных в составе региональных экосетей туристско-рекреационных местностей. Региональные департаменты охраны окружающей среды «склонны» рассматривать их как обычные ООПТ консервационного типа, где «все запрещено». Таким образом оказалась заблокированной диверсификация ООПТ на объекты с различными условиями использования, в том числе специально предназначенные для развития рекреации и туризма (туристско-рекреационные местности, природно-исторические ландшафты и др.).

Градостроительное зонирование как рекомендательного (схемы территориального планирования сельских районов, генпланы сельских поселений), так и правоустанавливающего (правила землепользования и застройки) характера, теоретически должно приводить к фиксации рекреационных зон. Однако на практике двухстадийный характер процесса: от функциональных зон генпланов к градостроительным зонам правил землепользования – сказался роковым образом на выделении территорий для отдыха и туризма.

Плохо понимая сущность рекреации, «архитекторы на местах» не видят различий различия между рекреационными угодьями различного типа, смешивая «зеленку» общего пользования с озеленением санитарно-защитных и водоохранных зон, путая городские леса со скверами и парками, территории спортивной рекреации с ландшафтами санаторно-курортных зон, и поэтому всюду «рисуют» типологически недифференцированную рекреационную зону. В дальнейшем под давлением строительных инвесторов рекреационные функциональные зоны «разваливаются» на этапе перехода от генеральных планов к правилам землепользования и застройки, что в итоге ведет к острому дефициту в наших городах зон, реально пригодных для развития отдыха и туризма.

8. Лес и рекреация: сможем ли мы отдыхать в лесах?

Россия – лесная страна, и, казалось бы, новый Лесной Кодекс должен был представить обществу серьезные возможности для планирования рекреационно-туристской сферы. Однако на деле ЛК достаточно «сурово» обошелся с рекреацией, ликвидировав зеленые зоны населенных пунктов «как класс». Из прежнего «рекреационного набора» были сохранены лишь «городские леса».

Во всех субъектах РФ в последние годы были разработаны так называемые лесные планы, в рамках которых выполнялся и специальный раздел «Рекреационное лесопользование», характеризующий режим пользования при передаче лесных участков для осуществления рекреационной деятельности. Использование лесов для осуществления рекреационной деятельности регламентируется статьей 41 Лесного кодекса и Правилами использования лесов для осуществления рекреационной деятельности, утвержденными приказом Министерства природных ресурсов РФ от 24.04.2007 № 108.

С формальной точки зрения лесные планы могут предлагать три основных типа участков для осуществления рекреационной деятельности: рекреационно-ценные участки леса, лесопарки населенных пунктов, лесные участки на землях ООПТ. Однако на деле лесоустроители предпочитают работать с уже «устоявшимися» категориями, избегая использования новеллы «рекреационно-ценные участки леса».

Это обстоятельство в значительной степени дезавуирует механически повторяемое от одного лесного плана к другому извлечение из части 2 ст. 41 Лесного кодекса о том что «на территории зон для осуществления рекреационной деятельности может предусматриваться строительство, реконструкция и эксплуатация объектов для осуществления рекреационной деятельности, допускается возведение физкультурно-оздоровительных, спортивных и спортивно-технических сооружений (дома отдыха, пансионаты, кемпинги, объекты физической культуры и спорта, туристические базы, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря, дома рыболова и охотника, детские туристические станции, туристские парки, лесопарки, учебно-туристические тропы, трассы, детские и спортивные лагеря, другие аналогичные объекты). Размещение временных построек, а также физкультурно-оздоровительных, спортивных и спортивно-технических сооружений допускается прежде всего на участках незанятых деревьями и кустарниками, а при их отсутствии – на участках, занятых наименее ценными лесными насаждениями, в местах определенных в проекте освоения лесов».

Остается непонятным – кто, за чей счет, и каким образом будет разрабатывать проекты освоения «лесных рекреационных зон», каков действительный статус этих зон? Не говоря уже о других вопросах, – кто и на каком основании определяет «рекреационно-ценные участки» леса в составе Лесных планов? Как эти участки будут соотноситься с общими региональными конструкциями «туристско-рекреационных систем»?

Видимо, эта лакуна ощущалась законодателем, поскольку в декабре минувшего года Правительством РФ было утверждено «Положение об определении функциональных зон в лесопарковых зонах, площади и границы лесопарковых зон, зеленых зон». Этот документ примечателен тремя позициями.

Во-первых, Положение постулирует возможность установления «лесопарковых и зеленых зон на землях лесного фонда, землях обороны и безопасности, на которых расположены леса, а также в городских и сельских поселениях, в которых расположены леса (за исключением городских лесов)». Непонятно, должны ли на такие леса, расположенные на «землях поселений», распространяться градостроительные регламенты?

Во-вторых, Положение предлагает определять площадь зеленой зоны в зависимости от численности населения соответствующего поселения лесорастительной зоны, отношения площади покрытых лесной растительностью земель к общей площади территории муниципального района или субъекта РФ, но при этом нормативы будут устанавливаться Министерством сельского хозяйства РФ (!). Интересно, каким образом?

В-третьих, Положением предлагается устанавливать внутри лесопарковых зон функциональные зоны, статус которых будет совсем уже неясен, если речь идет о лесах на землях поселений.

Наконец в последних (по очередности, но не по важности), обязанность по разработке проектной документации на такие зоны возлагается на госорганы субъектов РФ, и эта ситуация подозрительно напоминает ситуацию с охранными зонами объектов наследия: обязаны-то обязаны, но вот только не заказывают…

Заключение

Туристско-рекреационная сфера РФ сможет развиваться только при условии «переворачивания» пирамиды услуг с ног на голову – туризм должен опираться на предварительно развернутые рекреационные возможности. Последние должны определяться с учетом рекреационных потребностей граждан, для чего необходимо их предварительное изучение. Развертывание спектра рекреационных возможностей предполагает исправление деформаций правового поля, а также принципиально иной подход к планированию, при котором характер освоения территорий будут определять не только местные региональные власти и деятели из цепочки «инвестор-застройщик-архитектор», но и представители гражданского общества. Для реализации такого подхода гражданское общества должно активнее участвовать в решении принципиальных вопросов землепользования, планирования и освоения через своих выборных представителей и общественные организации. В России с ее невысоким уровнем гражданской ответственности уже потерпели практически полное фиаско «зеленые» общественные организации; остается надеяться, что обсуждаемые проблемы будут по плечу молодым и активным членам организаций рекреационных. Битву за экологический каркас мы уже проиграли нашим чиновникам, но, может быть, еще стоит побороться за каркас рекреационный?

Литература

Боголюбов С.А., Жариков Ю.Г. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации. – М.: Издательство «Проспект», 2010. – 400 с.

Квартальнов В.А. Туризм. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.

Мажар Л. Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы. – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.

Curry Nigel. Countryside Recreation, Access and Land Use Planning. – E & FN Spon London, 2008. – 251 с.

David L. Edgell, Sr Maria DelMastro, Allen Ginger Smith Jason R. Swanson. Leisure and Tourism Policy and Planning. – Elsevier Linacre House, Jordan Hill, Oxford, 2008. – 367 с.

Torkildsen G. Leisure and Recreation Management. – London and New York, 2005.

УДК [662.09+379.843](470.22)

Кулешевич Л.В.
Лавров О.Б.

ГОРНЫЕ И РУДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ КАРЕЛИИ (ИСТОРИКО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ)

Природные геологические объекты Карелии являются объектами активного туризма. История заселения территории Карелии отражает этапы освоения ее природных богатств, это история освоения водных, лесных и минеральных ресурсов, то есть, взаимоотношений человека и природы. Цель предлагаемого проекта – это разработка маршрутов историко-геологического туризма, направленных на желание участвовать в поисковых работах по изучению истории горно-рудных промыслов Карелии, а также профессиональное ознакомление студентов естественных и исторических специальностей с ландшафтами, рельефом и полезными ископаемыми Карелии.

Kuleshevich L.V., Lavrov O.B. The Rock and Ore Mines of Karelia (the Historical-Geological Tourism)

The natural geological objects of Karelia are the sites for the active tourism. The history of colonization of the Karelian territory repulses the stages of the natural resources developing of Karelia. This is a history of opening up the water, forest, and mineral resources. This is a history of interrelation between the nature and the man. The aim of the proposed project is elaboration of the routes for the historical-geological tourism directed to desire for participation in searching works to examine the history of the rock-ore mines of Karelia and professional acquaintance of students of natural and historical specialties with landscapes, relief and the minerals of Karelia.

Природные геологические объекты Карелии являются объектами активного туризма. Они представляют интерес в первую очередь как предметы изучения природных процессов для студентов естественно-географических и горно-геологических специальностей, которые ежегодно посещают Карелию с целью ознакомления с ландшафтом, четвертичными и ледниковыми отложениями, геологией и полезными ископаемыми. Эколого-геологический туризм в Республике Карелия развит очень слабо и практически отсутствует истори-